

Некоторые различия, связанные с проблемой конституирования идеального предмета

М.А. БЕЛОУСОВ

В статье Г.Б. Гутнера рассматривается важная проблема конституирования идеального предмета. Автором выделены два основных подхода к этой проблеме – эйдетический и конструктивный – и убедительно показана их взаимодополнительность по отношению друг к другу. Если эйдетический подход, согласно автору, предполагает такое оперирование с идеальным предметом, как будто он представляет собой нечто реальное, то конструктивный подход делает акцент на субъективной деятельности, лежащей в основе тех или иных идеальных конструкций. В платоновско-феноменологическом ключе автор демонстрирует единство этих двух подходов. Конституирование предполагает интуитивное видение единства связей или единство идеального предмета, последнее, со своей стороны, имплицитно конституирование.

Авторское решение проблемы представляется продуктивным. Тем не менее хотелось бы применительно к рассуждениям автора и самой теме предложить еще некоторые различия.

В частности, применительно к понятию интересубъективной воспроизводимости тех или иных актов конституирования или эйдетического усмотрения можно было бы различать реальную (ограниченную фактическими обстоятельствами или психологическими условиями) и идеальную, принципиальную воспроизводимость. Если отвлечься от актов, конституирующих единство идеальной предметности, и рассмотреть интенциональные (пользуясь гуссерлевской терминологией) акты вообще, то можно было бы утверждать, что нет среди них актов настолько субъективных, чтобы их *предметный смысл* (а не связанный

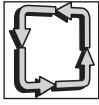

с его полаганием реальный *психический процесс*) характеризовался принципиальной intersубъективной невоспроизводимостью. Реальный психический процесс действительно характеризуется таковой, его «здесь и теперь» не поддаются intersубъективному воспроизведению. Однако даже в случае бреда и фантазии все же можно различить реальный психический процесс и полагаемый в них *смысл* или же полагаемую в них предметность, которая как некоторое идеально-тождественное единство будет все же противостоять многообразию возможных конституирующих ее актов и в этом смысле характеризоваться идеальной воспроизводимостью.

Здесь важно отметить, что воспроизведение (во всяком случае в науке) направлено не на сам конституирующий акт (хотя и необходимо предполагает осуществление такового), а на смысл, содержание, предметность (можно выбрать любой термин), конституирующиеся в тех или иных актах как нечто тождественное. Например, можно было бы предположить, что некоторая теорема или же некоторое положение могут быть доказаны несколькими способами. В этом случае воспроизведение (очевидное постижение) содержания теоремы не предполагало бы непременно воспроизведения актов (например, связанной цепочки суждений) того, кто впервые доказал теорему, оно могло бы заключаться в выстраивании «альтернативной» связи обоснования. Хотя в любом случае воспроизведение, даже если бы оно прямо относилось к акту доказательства (очевидно, предполагающему цепочку связанных между собою актов суждения), относилось бы не к психологическим (реальным) связям составляющих этот акт суждений, а к имеющейся между ними идеальной связи обоснования. Тем самым можно было бы избежать субъективации (психологизации) как самой идеальной предметности, так и непосредственно конституирующих ее актов.

Представляется, что проблема традирования, о которой автор говорит в контексте рассмотрения эйдетического подхода у Гуссерля, касается именно реальной, но не принципиальной intersубъективной воспроизводимости. Недаром традирование связывается самим Гуссерлем с *техникой*. Без техники наука, конечно, невозможна, но техника отсылает к *особому устройству человеческой субъективности*, занимающейся наукой. В сущности же идеальных предметов и конституирующих их актов такая отсылка как раз отсутствует. При этом идеальные предметы, несомненно, сущностно отсылают к конституирующим их актам.

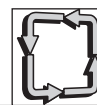
Важно отметить, что даже самая совершенная техника воспроизведения тех или иных смыслов не может *полностью* заменить первичный акт «схватывания» смысла. Всегда будет сохраняться некоторый зазор между техникой и действительным воспроизведением смысла, все равно требующим усмотрения смысла «как если бы в первый раз». По всей видимости, от так понятого «субъективизма» первично-

го усмотрения наука никогда не сможет уйти, точно так же, как она не сможет существовать без определенной техники.

Что касается вопроса о способе существования идеальных предметов, подробно и глубоко рассмотренного Гутнером на примере дискуссии между математическим платонизмом и конструктивистскими концепциями математики, то, возможно, дополнительно об этом способе можно было бы что-то узнать, если обратиться опять-таки к характеристикам тех актов сознания, благодаря которым конституируются идеальные предметы. Подобное обращение позволяет, как кажется, установить, что идеальные предметы в актах их конституирования или конструирования не полагаются в качестве реально существующих в определенном пространстве или определенном времени (в отличие от предметов восприятия, воспоминания и т.п.). Бессмысленно, например, утверждать, что некий идеальный предмет (скажем, математический объект) полагается конструирующим его математиком в качестве существующего здесь, перед ним, на бумаге, или же на таком-то и таком-то расстоянии от него, или в качестве существовавшего вчера, существующего сегодня и т.п. Разумеется, не более осмысленным является утверждение, что конструирующий идеальные предметы полагает их в качестве реальных составных частей своего собственного сознания или потока переживаний. Будь верно последнее, математик, например, не мог бы сказать, что дважды два четыре, а должен был бы сказать: здесь и сейчас мой реально развертывающийся поток переживаний (если понимать сознание как нечто внутреннее, психическое, оно всегда оказывается привязано, как и все реальное, к определенному «здесь и теперь») имеет ту особенность, что в нем дважды два равно четырем. Бессмысленность такой формулировки, конечно же, очевидна. Соответственно столь же бессмысленны положения «сейчас дважды два четыре», или же «там-то и там-то дважды два четыре», или «здесь, рядом с этим деревом, находится число пять». Между тем такого рода высказывания были бы совершенно осмысленными по отношению к предметам восприятия, воспоминания (в этом случае они относились бы к прошлому) и т.д.

К сущности предмета восприятия принадлежит то, что он полагается как существующий сейчас, в определенном пространстве (при этом не так важно, является ли оно объективным измеримым пространством или же, например, пространством «поля зрения»). Таким образом, если характеризовать идеальные предметы исключительно как предметы соответствующих актов сознания, то можно сказать, что как таковые они не полагаются существующими ни в пространстве, ни во времени, ни в мышлении. Если же они все-таки полагаются таковыми (как в разбираемых Гутнером концепциях математики), то происходит это уже в последующей рефлексии, которая всегда отличается от непосредственного «усмотрения». Однако это, конечно же,

не означает какой-то ущербности идеальных предметов по отношению к эмпирически данным объектам в самом широком смысле.

Еще одной интересной особенностью конституирования идеальных предметов представляется то, что оно не имеет (если снова пользоваться гуссерлевской терминологией) гилетической подкладки. Данные ощущений применительно к идеальным предметам не играют, как кажется, никакой роли (в отличие от предметов восприятия и т.п.). Либо же отношение идеальных предметов к данным ощущений является настолько опосредованным, что может рассматриваться как несущественное для них.

Конечно, если идеальный предмет столь радикально отличен от всего реально существующего или же полагаемого в качестве такового, то снова возникает неоднократно упоминаемый автором вопрос, каким образом математика оказывается столь эффективна при описании физической реальности. Это действительно крайне сложная проблема. Возможно, следует учитывать, что «физическая реальность» вовсе не есть некая реальность «в себе», а уже некоторый теоретический конструкт, сконструированный таким образом, что он может быть описан математически и, более того, не допускает другого описания. Природа не столько написана на языке математики (как если бы она была уже «в себе» написана на этом языке, до введения соответствующих априорных методологических предпосылок и понятийного аппарата), сколько ее *описывают* языком математики. В этом смысле можно вслед за Хайдеггером говорить о «математическом наброске самой природы». Природа есть коррелят определенной интенциональности, смыслопридающих актов ученого, вне которых она немыслима и не может быть описана.

Надеюсь, мне удалось обозначить некоторые пункты, которые могли бы представлять какой-то интерес с точки зрения обсуждения разбираемой Г.Б. Гутнером темы.